

Лилия Килина

О функционировании речевых формул древнерусских летописей в зависимости от жанрово-стилевой специфики летописного фрагмента

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 7, 48-54

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Лилия Килина
(Удмуртский государственный университет)

О функционировании речевых формул древнерусских летописей в зависимости от жанрово-стилевой специфики летописного фрагмента

Летописный текст со всей уверенностью можно отнести к текстам, в которых зарождаются многие стилеобразующие тенденции русского языка, что обусловлено продуктивными связями летописей с переводными литературными произведениями, с одной стороны, и с устными текстами, „функционировавшими в различных сферах жизни восточных славян“, с другой [Ковалев 2001: 3]. Таким образом, исследуя языковые особенности русских летописей, мы имеем возможность обнаружить факты, свидетельствующие о формировании русской стилистической системы.

По мнению Д. С. Лихачева, летопись относится к *объединяющему жанру* древнерусской литературы: „Отдельные объединяющие жанры включают первичные жанры в определенной пропорции. Так, например, в состав хронографа, летописи, степенной книги входят годовые статьи, исторические повести, жития, грамоты, поучения и пр., но пропорции их в каждом из упомянутых объединяющих их жанров будут особые. Годовые статьи будут преобладать в жанре летописи, жития – в жанре степенной книги, историческое сюжетное повествование – в жанре хронографа и т. д.“ [Лихачев 1987: 323]

Сложившееся мнение о том, что летопись – это именно жанр древнерусской литературы (хотя и специфический), опровергнуть достаточно трудно, однако представляется небезынтересной трактовка Н. С. Ковалева, согласно которой летописный текст – „особый тип древнерусского литературного текста, представляющий собой совокупность относительно завершенных и относительно целостных письменных речевых произведений (микротекстов и композиционных блоков), расположением которых передается информация о хронологической последовательности значимых для этноса событий“ [Ковалев 2001: 7].

Под *типом текста* понимается одна из жанровых разновидностей письменных текстов, образованных по единой композиционно-смысловой схеме и реализующих некоторые общие для этих текстов компоненты коммуникативно-прагматической установки, при этом важно, что *тип текста* – менее объемное понятие, чем *жанр* [Ковалев 2001: 30]. Кроме того, ученый приводит и типобразующие признаки: 1) общий способ осмысления автором внетекстового материала (актуализируется на уровне микротекстов приемами и средствами представления предмета речи, из сочетания которых складываются функционально-речевые типы: сообщение,

повествование, описание, характеристика, рассуждение); 2) общность композиционной схемы (последовательность словоформ и последовательность микротекстов, связь композиционных элементов, т.е. зачина, семантического ядра, концовки, и функционально-речевых типов микротекстов) [Ковалев 2001: 31].

Мы согласны с тем, что совокупность относительно завершенных речевых произведений сложно рассматривать как жанр, так как каждый из микротекстов и блоков тоже имеет свои жанрово-стилевые характеристики. Более того, мы не можем выделить жанры в составе ранних русских летописей (как это иногда делается в работах литературоведов), поскольку стилистическая система русского языка еще только формируется в период их создания.

Жанровое разнообразие компонентов летописного текста естественно приводит к отражению в летописи различных литературных стилей. Стилистическая неоднородность летописи представляет определенную ценность для языковедов, так как материал одного памятника позволяет наглядно увидеть и исследовать сложный характер взаимоотношений зарождающихся в древнерусском литературном языке различных функциональных стилей. Именно в летописях, таким образом, мы можем наблюдать взаимодействие разносистемных языковых единиц, способствующее развитию новых жанрово-стилевых образований [Ковалев 2001: 3].

С учетом положений, которые представлены в работах лингвистов и литературоведов относительно жанровой специфики древнерусской литературы, было осуществлено фрагментирование текста „Повести временных лет“ (далее ПВЛ), т.е. деление текста на фрагменты, отличающиеся жанрово-стилевыми характеристиками. Для обозначения единицы фрагментирования было принято название *тип изложения*, на данный момент в ПВЛ выделено несколько типов: агиографический, воинский, деловой, дидактический, документирующий, народно-поэтический, отсылочный (результаты фрагментирования можно увидеть на портале „Манускрипт“, содержащем коллекцию древнейших и средневековых славянских и русских текстов (URL: <http://manuscripts.ru>). Осуществив выборку фрагментов одного типа изложения, исследователь получает возможность выявить те языковые особенности, которые характерны именно для данного типа, сопоставив фрагменты разных типов, – возможность определить языковые различия.

При проведении лингвистического анализа древнерусских текстов необходимо учитывать тот факт, что в средневековом сознании слово – это синкретически воспринимаемое единство звучания и написания, формы и значения, термина и стиля. Как отмечает В.В. Колесов, слово-символ включает в себя все возможные значения, поскольку в данной системе слово по существу синкретично, в нем нет конкретных значений, равных значениям слова в современном языке; „значения“ семантического спектра актуализируются каждый раз в отдельном контексте в данной формуле-клише [Колесов 2002: 286]. Следовательно, древнерусское слово име-

ло сложную семантическую структуру, то или иное значение лексической единицы проявлялось в контексте, который мог быть очень узким (на уровне формулы). И что особенно важно, именно принцип отбора и соединения формул создает жанровые ограничения текста, стабилизация жанра в его единстве со стилевыми средствами происходит, по мнению В. В. Колесова, уже после XV в., когда завершается процесс столкновения языческого синкретизма с христианским символизмом [Колесов 1989: 270–274].

ПВЛ, как известно, памятник XII века, сохранившийся в нескольких списках, в том числе в Лаврентьевском (1377 г.), Ипатьевском и Радзивилловском (оба относят к XV в.). Наличие большого количества формул в этом тексте обусловлено временем его создания, но вместе с тем указанные списки так или иначе отражают процесс разрушения этих формул в связи с распадом средневекового синкретизма.

Намерение автора достичь определенности жанровых параметров текста приводит к тому, что формируются соответствующие стилиобразующие особенности, в том числе и языковые. К одной из таких особенностей можно отнести употребление речевых формул, которыми насыщен летописный текст.

Формулам в древнерусских текстах посвящено немало исследований, например, О.В. Творогов называет их традиционными формулами, под которыми понимает „речевые штампы, т.е. широко распространенные устойчивые словосочетания“, ученый указывает также на то, что в тексте летописи такие обороты речи носили характер стилистических приемов, но при этом существовали ранее в живой речи, выступая в качестве терминологических формул, причем их образность не нарушала терминологичности [Творогов 1962: 277–278].

Практически все исследователи в качестве критерия выделения формулы приводят именно устойчивость, повторяемость, стереотипность, а также обращают внимание на то, что повторяются одни и те же формулы в определенных контекстах: „Констатирующий характер изложения проявляется здесь в стереотипности словесных формул (устремилшася на нь, бишася с ними крѣпко и быс(ть) сѣча зла вельми, побѣжени быша, възвратишася с побѣдою великою), используемых во всех летописях для передачи информации о битвах“ [Ковалев 2001: 144].

Статья О. В. Творогова, например, посвящена воинским формулам в ПВЛ, причем ученый выделяет формулы, употребляющиеся в рассказах о подготовке к походу, в рассказах о сражениях, в описаниях князей и их жизни, а также формулы, отражающие юридические и дипломатические отношения, указывая также на то, что традиционные формулы применялись и при описании других сторон жизни древнерусского человека. И все же только в описании военного быта автор обнаруживает богатую и последовательно проводимую стилистическую систему, что связано с распространенностью таких формул в живой речи, формулы же книжного

происхождения (из культовых текстов, переводных памятников) были менее широко распространены [Творогов 1962: 280–281].

Таким образом, в исследовании О.В. Творогова по сути определяется воинский тип изложения как уже сформировавшийся в стилистическом плане, в том числе и за счет употребления соответствующих формул, которые необходимо признать важным стилистическим средством письменной речи. К сожалению, здесь мы не нашли никакой классификации интегрирующих нас языковых единиц, хотя ученый выделяет устойчивые сочетания, лишённые метафоричности (створити миръ, плачь великъ, со страхомъ и трепетомъ и т.п.), а также фразеологизмы (взяти на щиты, взяти копьёмъ, дати рудъ и т.п.), но никаких пояснений по поводу такого деления не содержится.

В то же время нам кажется важным определить основания для классификации формул, и основания эти должны быть структурно-семантические. Так, например, иногда выделяют тавтологические сочетания с союзом *и* типа *страх и трепет* (Творогов), сюда же можно отнести, судя по всему, летописные формулы *скорбьми и напастьми* (*скорбьми и печалми*), (*плотьские*) *сласти и страсти*.

Однако еще важнее, по нашему мнению, обнаружить зависимость употребления формул от того или иного типа изложения, именно в этом случае мы можем говорить о данных единицах как о жанрово-стилевых элементах. И действительно, примеры такого употребления формул мы находим в ПВЛ (далее все примеры взяты из Лаврентьевского списка).

В отрывке, относящемся к народно-поэтическому типу, находим формулу *красень лицемъ и душею*:

юже сдѣла Володимеръ бѣжа Варгъ то пришедь изъ Грекъ и держаше вѣру хчяньску и бѣ оу него снъ *красень лицемъ и дшею* (26 об.)

В дидактическом типе (а именно в похвалах князьям, при описании их внешности) наблюдаем *красень лицемъ*:

бѣ же Ростиславъ мужъ добль ратень возрастомъ же лѣтъ и *красень лицемъ* и млѣтъв оубогымъ (56)

Смысловым центром в этой формуле является прилагательное *красень* 'красивый, прекрасный; хороший, прекрасный, приятный, милый', здесь репрезентируется представление о нераздельности внешней красоты и красоты души: в синкретичном сознании средневекового русича чувственно воспринимаемая красота была неотделима от духовной, красота природная и духовная, слитые воедино, образовали новое понятие (красота как некое совершенство). По этой причине отсутствие компонента *душа* во втором случае не влияет на общий смысл высказывания. Формула *красень лицемъ* закрепляется за контекстами, в которых характеризуется тот или иной русский князь как выдающийся исторический деятель, и является по сути стилистическим средством, способствующим формированию жанра некролога.

Формула *взоромъ краснь* обнаруживается также в дидактическом типе изложения в аналогичных контекстах и репрезентирует по сути то же значение, выполняет ту же стилистическую функцию, что и формула *краснь лицемъ*:

бѣ бо Глѣбѣ млстивѣ оубогѣмъ и страннолюбивъ тѣшание имѣе к црквамъ теплѣ на вѣру и кротокъ *взоромъ красенъ* его же тѣло положено быс черниговъ за Спасомъ (67)

бѣ же Изаславъ мужъ *взоромъ красенъ* и тѣломъ великъ незлобивъ правомъ криваго ненавиждѣ люблѣ правду не бѣ бо в нѣмъ лсти но простъ мужъ оумомъ (68)

Кроме приведенных повторяющихся сочетаний отметим характерные для данного типа изложения не повторяющиеся, но структурно одинаковые: *тѣломъ великъ, незлобивъ правомъ (нравом), простъ оумомъ, возрастомъ лѣпъ*. Можно сделать вывод, что однотипность структуры формул также является важным стилистическим средством, организующим некое жанрово-стилевое единство.

Вместе с тем нельзя не сказать и о формулах, которые встречаются в разных типах изложения и выполняют иную функцию. Так, например, формула *грѣхъ ради нашихъ* (ихъ и т.д.) употребляется достаточно часто, когда возникает тема наказания за грехи, например:

- народно-поэтический тип:

они же рѣша разгнѣваса Бѣ на оци наши и расточи ны по странамъ *грѣхъ ра^д нашихъ* и предана быс земля наша хѣяномъ (27 об.)

- отсылочный тип:

и въ плѣнъ ведени бѣша во сурию *грѣхъ ихъ ра^д* и работаша тамо (34 об.)

ре^ч Бѣ понеже погуби^х члвки *грѣхъ ихъ ради* ныне же паки водою очищо грѣхи члвкмъ обнoвленьемъ водою (36)

- дидактический тип:

Гчи Ис Хс иже симъ образомъ явиса на земли спснѣя ради нашего изволивъ своею волею пригвоздити на кр^{стѣ} руцѣ свои и приимъ стр^{сть} *грѣхъ ради нашихъ* (46)

приемле^м казнъ *грѣхъ ради нашихъ* (57 об.)

- воинский тип:

грѣхъ же ради нашихъ пусти Бѣ на ны поганѣя (56 об.)

Въ стою мчнку Бориса и Глѣба быс плачь в градѣ а не радость *грѣхъ ради нашихъ* великихъ и неправды за оумноженье безаконии нашихъ (74)

В аналогичных случаях находим формулу *за грехи наши*:

- дидактический тип:

Се же бы^с за грѣхы наша яко умножишася грѣси наши неправды се же наведе на ны Бъ веда нам имѣти покаянье и въстанутиса от грѣха и от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ неприязни^нъ (72)

- народно-поэтический тип:

и не бѣ сего слышано в днехъ первы^х в земли Русьстѣ яже видѣста очи наши за грѣхы наша (75 об.)

(речь идет о нападении саранчи, которая уничтожила жито и траву).

Приведенные формулы по происхождению связаны с библейским текстом, а значит их можно отнести к прецедентным речевым формулам, которые устойчиво повторяются на всем протяжении ПВЛ, в разных типах изложения, независимо от того, о каком событии идет речь. Такие языковые единицы обеспечивают структурно-смысловую связь фрагментов текста летописи с прецедентными текстами, поэтому функция данных речевых средств не стилистическая, а смыслообразующая [Ковалев 2001: 13–15].

Таким образом, рассматривая летопись как особый тип древнерусского текста, обладающий синтетичной жанрово-стилевой формой, необходимо определить зависимость применения языковых средств от жанрово-стилевой специфики того или иного фрагмента. Одним из ярких проявлений этой специфики, по нашему мнению, следует считать употребление устойчиво повторяющихся речевых формул, которые могут выполнять: 1) стилистическую функцию, являясь языковым средством, маркирующим относительно завершенное и целостное речевое произведение; 2) смыслообразующую функцию, являясь средством смысловой связи летописного текста с прецедентными текстами.

Библиография

Лихачев Д. С. [1987], *Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы в трех томах*, т. 1, Ленинград, с. 260–654.

Творогов О. В. [1962], *Традиционные устойчивые словосочетания в „Повести временных лет“*, „Труды Отдела древнерусской литературы“, т. 18, с. 277–284.

Ковалев Н. С. [2001], *Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции (на материале Галицко-Волынской летописи)*, Волгоград.

Колесов В. В. [2002], *Философия русского слова*, Санкт-Петербург.

Колесов В. В. [1989], *Древнерусский литературный язык*, Ленинград.

Summary

Lilia Kilina

Functioning of speech formulas in Old Russian chronicles, depending on the genre and style of a chronicle fragment

This article deals with formulas of Russian chronicle texts and their functions. According to the article, a chronicle is a specific type of Old Russian texts representing the synthetic genre and style. It is proven that speech formulas used in chronicles influenced the formation of the stylistic system of the Russian language. The formulas take both the stylistic function, marking certain parts of the text, and the semantic function, establishing a semantic link between chronicle and precedent texts.